

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.4>

Ибатуллина Гузель Мртазовна

[Аполлоническое и дионисийское в стихотворении М. Цветаевой "Семь холмов - как семь колоколов..."](#)

В статье впервые рассматриваются функции мифологемы Аполлон - Дионис в стихотворении М. Цветаевой "Семь холмов - как семь колоколов...", что определяет актуальность и новизну работы. Анализируются образная система произведения, особенности композиции и развития лирического сюжета. Исследование приводит к выводу, что аполлоническое и дионисийское в изображаемой картине мира существуют в амбивалентных отношениях единства-противоположности, обеспечивающих возможность космизированной гармонии бытия. В то же время стихийные начала души героини превращают амбивалентное равновесие внешней реальности во внутреннюю двойственность ее сознания, порождающую драматизм мировосприятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/4.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 23-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Криничная Н. А.** Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: исследования, тексты, комментарии. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 632 с.
7. **Криничная Н. А.** Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
8. **Левкиевская Е. Е.** Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дисс. ... д. филол. н. М., 2007. 636 с.
9. **Розанов В. В.** Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. 607 с.
10. **Розанов Ю. В.** Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика: дисс. ... к. филол. н. Великий Новгород, 2009. 418 с.
11. **Самоделова Е. А.** А. Н. Толстой – фольклорист // Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: Литературный музей, 2017. Вып. 2. С. 216-233.
12. **Самоделова Е. А.** Древнерусские, фольклорные и фамильные реминисценции в сказке А. Н. Толстого «Алена» периода Гражданской войны // Литература Древней Руси: материалы X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посвящ. памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева (г. Москва, 6-7 декабря 2018 г.) / сост. Н. В. Трофимова. М.: МПГУ, 2019. С. 428-445.
13. **Самоделова Е. А.** О фольклорных прообразах в сборниках А. Н. Толстого «За синими реками» и «Сорочьи сказки» // Филологические науки. 1995. № 3. С. 45-55.
14. **Самоделова Е. А.** Предыстория творческой обработки А. Н. Толстым русских народных сказок // Филологические науки. 1997. № 1. С. 35-44.
15. **Толстой А. Н.** Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: ГИХЛ, 1951. Т. 1. 674 с.
16. **Толстой А. Н.** Русалочьи сказки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/rusalochi-skazki-read-70912-1.html> (дата обращения: 18.11.2019).

Transformation of Folk Demonology Images in A. N. Tolstoy's Cycle "Mermaid Tales"

Golovko Varvara Andreevna
Kuban State University, Krasnodar
svitenko@list.ru

The article examines transformations of lower folk demonology images in A. N. Tolstoy's cycle "Mermaid Tales". The paper analyses the genesis of the author's interpretations of folkloric personages from house spirits, forest spirits (ovinnik, brownie, silvan, nixie and polevik) and zoomorphic demons (wild rooster, serpent) to devildom (mermaid, werewolf, kikimora, Anchutka the Heel-less). By the example of folk demonology images, the researcher examines specificity of Tolstoy's authorial tale poetics – folklorism, techniques of irony, grotesque and diminishment, implementation of the author's theory of gesture, synthesis of folkloric prose genres – fairy-tale, bylichka and byvalshchina. The researcher considers interrelation of folk demonology images and the mythological landscape depicted according to the Russian peasants' world conceptions, in particular, analyses peculiarities of the author's interpretation of the solar myth.

Key words and phrases: A. N. Tolstoy; folk demonology; house spirits and forest spirits; zoomorphic demons; devildom; bylichka; diminishment; irony; solar myth.

УДК 821.161.1-1

Дата поступления рукописи: 15.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.4>

В статье впервые рассматриваются функции мифологемы Аполлон – Дионис в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов – как семь колоколов...», что определяет актуальность и новизну работы. Анализируются об-разная система произведения, особенности композиции и развития лирического сюжета. Исследование при-водит к выводу, что аполлоническое и дионисийское в изображаемой картине мира существуют в амбива-лентных отношениях единства-противоположности, обеспечивающих возможность космизированной гар-монии бытия. В то же время стихийные начала души героини превращают амбивалентное равновесие внеш-ней реальности во внутреннюю двойственность ее сознания, порождающую драматизм мировосприятия.

Ключевые слова и фразы: М. Цветаева; дионисийское; аполлоническое; солярно-хтоническое; мифологема; парадигма; амбивалентность.

Ибатуллина Гузель Мргазовна, д. филол. н., доцент
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
guzel-anna@yandex.ru

Аполлоническое и дионисийское в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов – как семь колоколов...»

Проблема соотношения аполлонического и дионисийского типов сознания в поэтическом мире М. Цве-таевой остается дискуссионной для сегодняшнего литературоведения, чем обусловлена **актуальность** нашей работы. **Научная новизна** исследования определяется тем, что впервые в данном аспекте рассматривается

стихотворение М. Цветаевой «Семь холмов – как семь колоколов...» и выстраивается концептуально новая парадигма интерпретации мифологемы Аполлон – Дионис в анализируемом произведении.

Цель работы – объяснение диалектики взаимоотражений аполлонических и дионисийских мотивов в художественной парадигме стихотворения. В связи с этим центральными **задачами** исследования становятся:

- 1) интерпретация мифопоэтического подтекста произведения;
- 2) анализ образно-символической системы стихотворения, ключевых метафор и мифологем;
- 3) экспликация сюжетной логики произведения;
- 4) объяснение функций диалогической композиции, основанной на взаимопроекции базовых оппозиций «аполлоническое – дионисийское», «внутреннее – внешнее».

Для решения поставленных задач используются мифопоэтический, структурно-сопоставительный, системно-функциональный **методы** анализа текста.

Рассматривая знаковую для культуры Серебряного века мифологему Аполлон – Дионис в контекстах творчества М. Цветаевой, большинство исследователей традиционно акцентируют дионисийский код в образно-смысловых парадигмах ее произведений [5; 8; 10; 11]. И. В. Кудрова пишет, что особое родство поэтического таланта и мироощущения Цветаевой с тремя великими ее современниками, являвшимися для нее безусловными авторитетами – Вячеславом Ивановым, Андреем Белым и Александром Блоком, – объясняется прежде всего тем, что каждому из поэтов были близки образы и мотивы дионисийских начал, стихийных энергий, иррациональных сил, живущих в человеке и в мире [5, с. 49]. З. Рамазанова в работе «Сатирические и лирические герои поэмы М. Цветаевой “Крысолов”» обозначает более широкий круг художников, с которыми поэтесса была связана общностью дионисийского склада сознания: «Цветаева же находилась под влиянием модернистского дионисийства уже потому, что она тесно общалась с такими лицами, как Эллис, Нилендер, Брюсов, Волошин, Бальмонт, Сологуб, Иванов, Белый и др.» [11, с. 17]. В. Погребная и И. Тонких видят параллели между стихийными началами поэтического сознания Цветаевой и «ницшеанским дионисийством» [10]; В. Любушин считает, что дионисийский характер личности Цветаевой был почти генетически предопределен и поэтому неподвластен никакому рациональному контролю [8].

В своих определениях цветаеведы основываются в первую очередь на особенностях восприятия стихий дионисийства в личностном и творческом сознании самой М. Цветаевой. Так, широко известны ее высказывания, свидетельствующие о дионисийских акцентах мироощущения: «“Аполлоническое начало”, “золотое чувство меры” – разве вы не видите, что это только всего: в ушах лицеиста застрявшая латынь» [12, т. 5, кн. 2, с. 24]. В воспоминаниях О. Колбасиной-Черновой также встречаемся с антиаполлоническими репликами Цветаевой: «Марина отрицает в искусстве “аполлоническое начало”, как и “золотое чувство меры”. “А французская литература, которую вы любите, – сказала я, – с ее точной мерой?”».

– Оставьте, Расин и тем более Корнель, какая же мера? С их преувеличением чувств? Всепоглощающим Молохом – долгом, ломающим жизни, как некий ледяной идол с огненным нутром, поглощающий жертвы. Это ли мера» [Цит. по: 1, с. 294-295].

Однако, несмотря на эти откровенные и, казалось бы, глубоко отрефлексированные дионисийские ориентации Цветаевой, подобные интерпретации ее поэтического мира, на наш взгляд, не являются исчерпывающими и единственно возможными: ведь изначальные авторские установки и художественно-смысловая парадигма, реализованная в произведении, не всегда вполне тождественны. Более того, известно, что поэтическая стихия творческого сознания М. Цветаевой менее всего склонна считаться с какими-либо заданными установками, даже если они исходят из ее собственных эстетических моделей. Доминантны для нее – не рационально оформленные модели, а живая реальность рожающегося образа, источником которого становится интуитивно-инстинктивное проникновение в мир через его стихийные энергии, в том числе и через стихию словотворчества. Характерно в этом отношении замечание И. Кудровой: «...всякий раз, когда М. Цветаева прибегает к выражению “это больше, чем искусство”, она хочет сказать о силах, прорывающихся в творческий процесс *помимо воли художника*» [6, с. 209] (курсивы здесь и далее принадлежат автору статьи, жирный шрифт – цитируемым авторам. – Г. И.).

Одним из парадоксов цветаевской поэзии можно назвать то, что открыто «пренебрегающая» аполлонизмом, в противовес дионисизму, М. Цветаева в действительности актуализирует во многих своих произведениях, в том числе и в анализируемом в данной статье стихотворении, образно-смысловые парадигмы аполлонического мифа в ситуации диалогической взаиморефлексии с мифом дионисийским. В одной из наших предшествующих работ, посвященной поэме М. Цветаевой «Крысолов», мы уже говорили о значимости и функциях аполлонического мифа в художественном мире данного произведения [3]. О стремлении к уравновешенности двух начал в эстетическом сознании поэтессы пишет и С. Макашева, исследуя рецепции Цветаевой идеи Ф. Ницше: «Она (Цветаева. – Г. И.) пытается придерживаться ницшевского принципа равновесия аполлонического и дионисийского “стремлений” в искусстве» [9, с. 54].

В стихотворении «Семь холмов – как семь колоколов...» [12, т. 1, с. 229-230], как и во всем цикле «Стихи о Москве», аполлоническое начало, на наш взгляд, не только уравновешено с дионисийским, но порой оказывается и доминантным. Для более убедительной экспликации наших суждений и выводов приведем текст стихотворения полностью:

Семь холмов – как семь колоколов...

«Семь холмов – как семь колоколов!

На семи колоколах – колокольни.

Всех счетом – сорок сороков.

Колокольное семихолмие!
В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.
И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.
Провожай же меня, весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!».

Само название стихотворения и его первая строка многократно актуализируют аполлоническую семантику, здесь каждый образ имеет солярно-символический смысл: сакральное космологическое число семь, дублированное и тем самым откровенно акцентированное; архетипический в своих истоках хронотоп холма и культурологически укорененная мифологема «семь холмов»; солярный по своей природе образ колокола/колоколов.

Отметим, что аполлоническая семантика этих мифологем связана в изображении Цветаевой как с мужскими, так и с женскими космологическими энергиями, их взаимопроекции заявлены здесь логикой символически выстроенной оппозиции: «Семь холмов – как семь колоколов». Холм в качестве инварианта Горы в мифологических контекстах выражает мужское начало (известно, что гора наделяется даже фаллическими коннотациями), в то время как колокола в большинстве мифологических культур ассоциируются с женскими энергиями: «Колокол обычно воплощает *пассивное, женское* начало, его форма символизирует небесный свод. <...> ...в иудаизме [колокольчики]... подвешенные на одежду, символизируют *девственность*. <...> Колокольный звон во многих странах мира является призывом к молитве, а в Тибете – к *послушанию и подчинению* наставлениям Будды. <...> В тантрическом буддизме колокольчик олицетворяет *женский принцип*, а дорже – мужской. В Китае звуки колокола – это голос космической *гармонии*, они символизируют также *обожание, уважение, покорность, подчинение верных слуг, конец испытаний*» [4]. Оппозиция мужского и женского – холм/колокол – предполагает здесь у Цветаевой не только противоположность этих начал, но и их внутреннее единство. Неслучайно визуализация данных образов (а декоративность изображения провоцирует подобную визуализацию) обнаруживает их топологическую тождественность: форма колокола и форма холма, по сути, одна и та же.

На первый взгляд, цветаевская интерпретация аполлонической семантики противоречит традиционным представлениям о том, что солярные энергии мироздания связаны именно с мужским началом, а хтонические (и соответственно дионисийские) – с женским. Однако в действительности образы Аполлона и Диониса в мифологии окружены трансгендерными оборотами, в каждом из них так или иначе заявлено внутреннее равновесие мужских и женских творческих сил, в отличие, например, от Ареса или Кроноса, воплощающих чисто мужские потенции человека и мира. Неслучайно Аполлон в мифологических преданиях имеет своего женского двойника в лице сестры-близнеца, богини-девственницы Артемиды, образ которой также окружен трансгендерным ореолом; кроме того, Аполлон – водитель Муз, зримо или незримо составляющих его традиционную свиту и являющихся своеобразным отражением и продолжением его креативных энергий [7, с. 267-426]. Дионис, в свою очередь, в культурологической традиции также амбивалентно связан и с фаллическими культурами, и с образами вакханок, его жриц и служительниц, сублимирующих и выражающих дионисийские энергии через женскую психофизиологическую конституцию. Воссозданный Цветаевой трансгендерный андрогинный контекст стихотворения отражает сущность и природу лирической героини (так же, как и личности самой поэтессы), родившейся в топосе «колокольного семихолмия».

Анализируемый нами семантически насыщенный (и даже лубочно перенасыщенный, подчеркнута декоративный) символический ряд определяет образно-смысловую парадигму всей первой половины стихотворения, которое композиционно отчетливо делится на две части: первая – с выраженной аполлонической доминантой в уравновешенном солярно-хтоническом пространстве, вторая – с дионисийской доминантой, вступающей в амбивалентно-диалогические отношения с первой. Ключевые образы-мифологемы аполлонической части стихотворения создают живописно-статичную космизированную картину реальности. Они носят, как мы уже говорили, подчеркнута визуальный, пластически-декоративный, даже орнаментально-лубочный характер: это не только уже названные «семь холмов» и «семь колоколов» и их производные, но и ряд последующих словообразов и мифологем: «сорок сороков», «червонный день», «день Иоанна... Богослова», «дом – пряник, а вокруг плетень», «церковки златоголовые».

Вторая часть стихотворения контрастно насыщена дионисийскими по своей природе образами и мотивами, имеющими уже аудиальный и динамический характер. Это образы, связанные со стихийно-иррациональными силами и энергиями мира: «вой в печке», «жаркий сон», «знахарка», «сброд», «юродивый, воровской, хлыстовский», «позаткни мне рот». Однако следует еще раз отметить, что аполлоническое и дионисийское мировидение представлены здесь не как антитеза, а именно как оппозиция, предполагающая амбивалентное «единство противоположностей» этих начал, причем доминантным в данной образно-смысловой

парадигме оказывается именно аполлоническое. Эта доминанта определяется тем, что практически каждый дионисийский образ второй части произведения внутренне диалогизируется, также обнаруживая в себе единство космизирующих и хтонических энергий. Рассмотрим некоторые из них более детально. Если «вой» очень четко соотносится с иррационально-дионисийскими, хтоническими силами, то «вой в печке» – это уже амбивалентное единство солярного и хтонического: несмотря на то, что огонь – природная первостихия, связанная со сферами Хаоса, огонь в печи, как и сама печь, – олицетворение созидательных космизирующих начал бытия. Подобный же семантический диалог, выстроенный на принципах художественной взаиморефлексии [2], обнаруживается в структуре образов «жаркий сон», «знахарка с двора соседнего», «московский сброд», «юродивый», «земля московская».

Особое место в анализируемом контексте принадлежит образам и мотивам, еще не упоминавшимся нами: «первый звон», «монашки потекут к обедне», «поп» – это ряд образов, связанных с христианской культурой. Все они носят явный граничный характер – в соответствии с культурологическими функциями любой религиозной традиции. Изначально любая религия призвана играть роль посредника между мирами и разными бытийными сферами, гармонизируя их и поддерживая космологическое равновесие, в том числе – между солярным и хтоническим, аполлоническим и дионисийским началами, между силами Эроса и Логоса – как в человеческой душе, так и в создаваемом человеком мире. Отсюда – экстатический призыв лирической героини:

«Поп, крепче позаткни мне рот

Колокольной землей московскою!» [12, т. 1, с. 230].

Доминанта дионисийских энергий в ее сознании, власть иррационально-стихийных порывов души порождает потребность в их уравнивании солярно-аполлоническими, космизирующими силами, знаковым олицетворением которых становятся «поп» и «колокольная земля московская». О гранично-уравнивающей природе первого образа мы уже говорили, сделаем пояснения относительно второго. «Земля» – с одной стороны, начало хтоническое по своей природе, уходящее истоками в сферы Хаоса, однако семантическая интеграция этого архетипа с акцентированно солярными, аполлоническими образами («колокольной», «московскою») включает его в общую космизирующую парадигму последней строки стихотворения. «Колокольная земля московская» – это образ динамического равновесия разнородных начал мироздания, той гармонии, которую жаждет, но не всегда обретает душа лирической героини.

Итак, в соответствии с поставленными в статье целями и задачами, мы приходим к следующим **выводам**: аполлоническое и дионисийское в картине мира, воссоздаваемой Цветаевой, существуют в сложных диалектических отношениях амбивалентного единства-противоположности, обеспечивающих возможность устойчивой гармонии изображенной космизированной реальности и находящих отражение в поэтике художественной взаиморефлексии всех элементов образно-смысловой системы стихотворения. Для внутреннего мира лирической героини подобная гармония является идеалом провиденциально заданным:

«В колокольный я, во червонный день

Иоанна родилась Богослова» [Там же, с. 229].

Однако земные страстные стихии ее души делают этот идеал чаяемым, но не всегда достижимым, поэтому личность ее и сознание остаются на границах разных сфер бытия в их неслиянности и в жажде их нераздельности. Амбивалентная гармония мира превращается в душе героини в диалогизированную двойственность, порождающую внутренний драматизм ее мировосприятия.

Список источников

1. **Воспоминания о Марине Цветаевой** / сост. Л. А. Мнухин, П. М. Турчинский. М.: Советский писатель, 1992. 587 с.
2. **Ибатуллина Г. М.** Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX-XX веков: дисс. ... д. филол. н. Ижевск, 2015. 564 с.
3. **Ибатуллина Г. М., Нуриева В. М.** Мифологема Аполлона в поэме М. Цветаевой «Крысолов» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 2. С. 21-23.
4. **Колокол** [Электронный ресурс] // Рошаль В. М. Символы и знаки. Арканы Таро, коды тайных обществ и значения древних артефактов. URL: <http://iknigi.net/avtor-viktoriya-roshal/117564-simvoliy-i-znaki-arkany-taro-kody-taynyh-obschestv-i-znacheniya-drevnih-artefaktovviktoriya-roshal.html> (дата обращения: 15.11.2019).
5. **Кудрова И. В.** Гибель Марины Цветаевой. М.: Независимая газета, 1999. 320 с.
6. **Кудрова И. В.** Загадка злодеяния и чистого сердца // Wiener Slawistischer Almanach. Wien – München – Berlin – Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 1992. Sonderband 32. Марина Цветаева. Статьи и тексты / ред. Л. А. Мнухин. С. 201-217.
7. **Лосев А. Ф.** Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
8. **Любушин В. И.** «Безмерность» и «стихии» Марины Цветаевой (к проблеме дионисийства в поэзии М. Цветаевой) // От текста к контексту: сборник научных статей. Ишим, 2002. С. 100-108.
9. **Макашева С. Ж.** Идеи Ф. Ницше в творчестве М. Цветаевой // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2004. № 2. С. 53-59.
10. **Погребная Я., Тонких И.** Философские детерминанты интерпретации традиционных сюжетов и образов в творчестве М. Цветаевой 1920-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21raznoe/276223-1-issn-2075-1486-filologichninauki-2012-literaturoznavstvo-udk-8211611-82-21-viktoriya-pogrebnaaya-irina-tonk.php> (дата обращения: 10.11.2019).
11. **Рамазанова З. Б.** Сатирические и лирические герои поэмы Марины Цветаевой «Крысолов»: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2006. 153 с.
12. **Цветаева М. И.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 1: в 2-х кн. Кн. 1. Стихотворения 1906-1916 гг. 330+6 с.; Т. 5: в 2-х кн. Кн. 2. Статьи. Эссе. Переводы. 394+1 с.

The Apollonian and the Dionysian in M. Tsvetaeva's Poem "Seven Hills – Just Like Seven Bells!"

Ibatullina Guzel' Mrtazovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
guzel-anna@yandex.ru

The article for the first time examines the functions of the "Apollo – Dionysus" mythologeme in M. Tsvetaeva's poem "Seven Hills – Just Like Seven Bells!", this fact determines relevance and originality of the study. The researcher analyses the poem's figurative system, specificity of composition and lyrical story development. The conclusion is made that the Apollonian and the Dionysian in the poetess's world picture relate to each other as "opposites constituting a single whole", which ensures cosmic harmony of existence. At the same time, spontaneous elements of the heroine's soul turn ambivalent balance of the surrounding reality to internal duality of her consciousness, which determines dramatic nature of her world perception.

Key words and phrases: M. Tsvetaeva; the Dionysian; the Apollonian; the solar-chthonic; mythologeme; paradigm; ambivalence.

УДК 82-2+792.072

Дата поступления рукописи: 14.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.5>

Целью данной статьи является изучение критических работ А. Р. Кугеля с точки зрения их принадлежности к жанру литературной и театральной рецензии. Исследован ряд публикаций критика в журнале «Театр и искусство» за все время существования издания. Проведенный анализ показал, что критические статьи Кугеля можно считать и литературными, и театральными. Помимо этого, в материалах критика были выявлены навыки журналистской работы в способах предоставления информации, наличии публицистического стиля и выбора жанровой палитры. В работе обобщен материал по проблеме рецепции новых театральных и драматургических форм в критической эстетике А. Р. Кугеля.

Ключевые слова и фразы: литературная и театральная критика; А. Р. Кугель; театр и драматургия конца XIX – начала XX в.; жанр рецензии; портретный очерк; юбилейная статья; путевой очерк; зарисовка нравов.

Кириллова Анна Сергеевна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
evdokimova-anna@list.ru

Жанр рецензии в критике А. Р. Кугеля

«Театр и искусство» – примечательное явление в истории русской журналистики. Специализированный журнал, посвященный театру, выходящий с 1897 г. по 1918 г., с первых номеров заявил о себе как о профессиональном, серьезном издании и вскоре заслужил авторитет у аудитории, увлекающейся театральным искусством. Вопросам специфики данного журнала посвящено немало научных исследований, а журналистское и творческое наследие создателя и главного редактора этого издания, А. Р. Кугеля, реже становилось объектом научного исследования. Однако на сегодня имеется мемуарная литература (воспоминания А. В. Луначарского, Н. Н. Евреинова, З. В. Холмской и др.), а также ряд научных публикаций Ю. К. Герасимова [2], В. М. Гаевского [1], И. В. Погильдяковой [13]. Пьесы Кугеля и биографическая справка о нем были опубликованы Н. Бук в примечательном собрании «Кабаретные пьесы Серебряного века» [3].

Актуальность данного исследования связана с активной полемикой в культурной среде, начавшейся еще в конце XIX века, о месте режиссера в современном театре, о проблеме интерпретаций драматургических текстов на театральных подмостках, чему в свое время посвятил большую часть своих работ А. Р. Кугель.

Палитра жанров в творчестве Кугеля достаточно велика: очерки (портретный, путевой, исторический), юбилейные статьи, некрологи, колонки, заметки, отчеты, обзоры и рецензии. Такое разнообразие жанров говорит о том, что Кугель мог писать не только как критик (как правило, на рубеже веков критики не стремились к разнообразию форм подачи материала), но и как журналист. Поэтому **цель** работы – доказать читателю, что рецензии Кугеля совмещают в себе методы работы, навыки и качества как критика, литературного и театрального, так и журналиста.

Для достижения поставленной цели планируется решить следующие **задачи**: проанализировать опубликованные рецензии Кугеля за все время выхода журнала «Театр и искусство» на наличие в них структурных и стилистических элементов, характерных для профессиональной критики и журналистского материала, рассмотреть рецензии с точки зрения их соответствия типу театральной и литературной критики, оценить профессионализм Кугеля по его всесторонней образованности и интуитивному восприятию достойных явлений искусства. **Научная новизна** работы заключается в обобщении материалов по проблеме рецепции новых театральных и драматургических форм в критической эстетике А. Р. Кугеля.